

А.А. Смирнов
A.A. Smirnov

...ЗАПРЕЩАЕТСЯ УБИЙСТВО БЛИЖНЕГО...

... THE KILL OF A NEIGHBOR IS FORBIDDEN...

В статье рассматривается вопрос жестокости в военных условиях, односторонняя трактовка фактов в угоду конъюнктуре отдельными «исследователями», разница в подаче событий в художественном произведении, например, в романе Л. Толстого «Война и мир», и научной работе.

The article highlights the issue of cruelty in military conditions, the one-sided interpretation of facts in favor of the conjuncture by some “researchers”, the difference in the presentation of the events in belletristic literature, for example, in L. Tolstoy’s novel “War and Peace”, and in scientific researches.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Наполеон в России, жестокость, разрушение святынь, солдаты французской армии, церковь.

Keywords: The Patriotic War of 1812, Napoleon in Russia, cruelty, destruction of shrines, soldiers of the French army, the church.

В октябрьском номере журнала «Русская история» 2020 г. появилась статья Дмитрия Инзова с заметным заголовком: «В знаменитом романе „Война и мир“ Лев Толстой говорит о „дубине народной войны“». Но кое о чем классик умалчивает»¹. Это заявление автора статьи вызывает, во-первых, удивление, ибо Инзов критикует содержание исторической части романа. А ведь, как известно, «Война и мир» — художественное произведение, и его автор вправе озвучивать или умалчивать любые сведения о реальных исторических событиях, происходивших в то время, о котором повествуется на страницах романа.

Во-вторых, не было никакой «дубины народной войны», как не было и народной войны. Вот что писал об этом профессор А.И. Попов, уже не один год воюющий с «толстовской дубиной». Предложив вниманию читателя обзор событий «малой войны» в 1812 г. в книге

«Война необыкновенная», Андрей Иванович стремился «показать „механику“ мифотворчества и фальсификаций... Отечественные авторы, в угоду той или иной априорной концепции — будь то единение сословий вокруг престола или решающая роль народных масс в истории — пренебрегали таким важнейшим принципом исторического познания, как критика источника. В итоге, на страницах не только популярных, но и научных изданий попадали пропагандистские подделки литераторов и так называемые народные предания, имевшие к реальной истории весьма косвенное отношение.

Вывод напрашивается сам собой — нужно прекратить бездумно ретранслировать заведомо ложные рассказы о „подвигах“ народных героев и перевернуть действительные подвиги настоящих героев. Кроме того, необходимо убрать из научных трудов „разухабистую“ фразу литератора Л.Н. Толстого о „дубине народной войны“, которая якобы „гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё наше-ствие“, то есть до границы. На самом же деле народная война имела место лишь в некоторых уездах Смоленской, Московской и Калужской губерний, и завершилась она в октябре по причине отступления неприятеля. В Литве и Белоруссии народной войны и вовсе не было»².

Инзов старается убедить читателя в своей правоте, в избытке приводя примеры издевательства крестьян над пленными: пленных «обматывали соломой и сжигали живьем... Сгоняли пленных в сараи и сжигали там сотнями, топили в прорубях, зарывали живыми в землю... Наловили... французов десятка два... выкопали в перелеске глубокую яму, повязали им... руки и пригнали гуртом. Стали они возле ямы... Мы... посовали их в яму за живых и зарыли... под землей с полчаса ворошились.

Крестьяне сжигали пленных живьем, заперев в деревянных строениях. Сжигали, обмотав тела соломой или облив горючим материалом. Насаживали на кол, запарывали вилами или топили»³.

Инзов посчитал, что вполне достаточно указывать «источники» приведенных примеров расправы крестьян с пленными так как это делал он: «Об этом говорится в воспоминаниях офицеров русской армии...». Генерал В. Левенштерн вспоминал... Вспоминали крестьяне-головорезы... Говорил один крестьянин на постоялом дворе... Рассказывал один старик-крестьянин... В дневнике

офицера Александра Михайловского-Данилевского за 1816 год... Подборки подобных фактов были опубликованы в труде историка XIX века В. Надлера «Александр I и идея Священного Союза», а также IV томе... издания «Отечественная война и русское общество» (1911. Фактически на титульном листе тома стоит 1912 год)... глава «Народная война»⁴.

Но т.к. Инзов не делает ни одной точной ссылки на источники своей информации, возникает сомнение — а видел ли он сам эти источники, о которых пишет. Странно и то, что журнал так легко его публикует, ведь это вызывает недоверие к журналу. Думаю, что уважающий себя автор так поступать не может, если конечно его фамилия под статьей не псевдоним.

Интересна еще одна деталь — почему Инзов называет всех служивших в Великой армии Наполеона французами? Известно, что французы составляли менее половины её личного состава. Вероятнее всего, такое небрежение это — «высокомерие невежества» (по выражению Ю. Нагибина).

О том, что рассказывали о деяниях крестьян в 1812 году, написал и художник В.В. Верещагин, собиравший материалы для написания серии своих картин «Наполеон в России». Первый триптих этой серии художник посвятил крестьянскому отряду самообороны сельского старосты Семена Архиповича. Двигаясь «к Москве, неприятель продовольствовал себя и лошадей тем, что находил на полях и что попадалось в ближайших деревнях»⁵. Однако, когда началось его отступление из Москвы, «неприятельские мародеры небольшими партиями стали заглядывать в избы, требовать хлеба, молока и проч., и тех, кто попадал в их руки, жестоко били и мучили. У старосты, как и у других крестьян, чесались руки на незваных гостей, но они опасались убивать их...»⁶.

«Скоро, однако, с разных сторон стали приходить сведения о том, что французы истребляют все, что попадется под руку; останавливаются среди полей, мнут и уничтожают жатву, а над жителями совершают неслыханные злодеяния, женщин, которые не успевают бежать, насилуют: по всему пути валяются не только зарезанные крестьяне, но и поруганные девушки, дети! Пошёл слух, что церкви обращают в казармы, магазины, конюшни и бойни, что со святых икон сдирают серебряные оклады и потом выбрасывают их на ули-

цу; колот образа на дрова, а также употребляют их и святые престолы вместо столов и скамеек. Издеваются всячески над святыми сосудами и церковными облачениями: из первых пьют вино, а вторые надевают на себя...

В достоверности этих известий нельзя было сомневаться, а потому они вызвали большое озлобление между крестьянами... Один из крестьян, вырвавшийся из Москвы, откуда он вначале не успел выйти, рассказывал... будто в Москве своевольство неприятельских солдат так велико, что его и начальство не может сдержать: пьянствуют, грабят и убивают...

„На пути от Москвы он слышал о том, что народ сам начинает расправляться с небольшими партиями неприятеля; что крестьяне... собирают ружья, сабли и прочее оружие и ими убивают французов, попадающихся в руки, на дорогах, в лесах и по деревням... Наглостей и ругательств, чинимых в церквах, и описать невозможно... будто бы изрубили двух священников... Он сам видел мишень, устроенную из образов, для стрельбы в цель... Жителей будто бы всячески истязают...“⁷.

„В соседней деревне стреляли по передовым неприятельского отряда, который, подойдя, захватил кого мог — старого и малого — и всех расстрелял на церковной паперти. Вот потом, когда арриергард отряда остался ночевать в опустевшей деревне, Семен распорядился обложить избы хворостом и берестою и сжег врагов, приперевши дверь снаружи“⁸.

Рассказывали, что в М... уезде ожесточение против неприятеля достигло такой степени, что изобретались самые мучительные казни: пленных ставили в ряды и по очереди рубили им головы, живых опускали в проруби и колодцы и т.п. Старшина, начальствовавший над партией в соседнем уезде, тоже был до того строг, что все выпрашивал, какую бы еще новою смертью наказывать ему французов, так как все известные роды смерти он уже перепробовал и они казались ему недостаточными, по их злодеяниям. Жестокость эта, впрочем, оправдывалась зверством поступков неприятеля: раз, когда партизаны перебили передовых фуражиров, вступивших в деревню, подошедший отряд разослал погоню и всех схваченных, окунувши в масло, сжег на костре, около которого неприятели грелись. Другой раз враги содрали кожу с живых мужиков только за то, что те оборонялись»⁹.

Сопоставив тексты Инзова и Верещагина, получается, что Инзов ушел от причин, побудивших крестьян к жестокому обращению с врагом. А как иначе? Но если Инзов приводит только ответные действия крестьян, то Верещагин приводит причину, о которой умалчивает Инзов. Не может быть, чтобы Инзов не знал истинных причин жестокости крестьян. Как известно, жестокость может породить только жестокость, что и случилось. Это элементарный закон физики: всякое действие может вызвать только ответное противодействие. Что же касается Толстого, то он был волен писать о чем-то или нет в своем эпохальном, но художественном произведении и не нам делать ему замечания и обсуждать содержание его романа с позиций историографии.

И хотя причины взаимного противостояния можно объяснить местью, но есть вещи, которые, хоть и объяснимы этим, но имеют более глубокие причины. Вспомните одну из картин Верещагина вышеназванной серии «В Успенском соборе». Перед зрителем трапезная одного из главных соборов Московского Кремля. На переднем плане в центре картины расседланные лошади, собирающие с пола какой-то корм. В правом нижнем углу солдаты играют в карты. Слева — бравый сержант стоит в царском месте, курит трубку и следит за четырьмя солдатами, которые обдирают с икон местного иконостаса и второго яруса дорогие оклады и ризы. На оградке царского места выстроились драгунские каски. Возле царского места сложены седла.

Свидетели как с той, так и с другой стороны подтверждают факты разграбления церквей и превращения их в казармы и конюшни. Вот строки из воспоминаний французов: «Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания, и еще сохранившие свои крыши, были обращены в казармы и конюшни», — писал капитан Лабом¹⁰. «Уцелевшие церкви были отданы под кавалерию», — подтверждает сержант Бургонь. Безусловно, то, что мы видим на картине — зрелище ужасное, и не только для верующих. Это унижительно прежде всего для завоевателей XIX в., заявлявших, что они несут европейскую культуру в варварскую Россию. Но все происходило с точностью до наоборот.

А теперь углубимся в историю. В 1792 г. во Франции произошла буржуазная революция, одним из деяний которой была борьба

с религией — отделение церкви от государства, конфискация всего церковного имущества, физическое уничтожение священнослужителей как контрреволюционеров. Поколение, родившееся в годы революции, достигло совершеннолетия в 1810 г. и с молоком матерей впитало безбожие. Для них, а тем более для тех, кто совершал революцию, религия и храмовое имущество не могли вызвать никакого уважения. К тому же для поступления на службу во французскую армию того времени не было ограничения по вероисповеданию, национальности, цвету кожи, языку. Армия Наполеона комплектовалась не только на основе воинской повинности, но и по найму. Вот почему ее солдатам ограбление церковей было вполне приемлемым делом. Я не оправдываю солдат, но и возмущаться их поведению бесполезно, ибо другому их никто не научил, не подсказал, не запретил.

Известно, что еще до похода в Россию, когда войска Наполеона заняли в Италии Милан, церковь, в которой хранилась и хранится сегодня картина «Тайная вечеря» Микеля Анджели Буонаротти, была превращена в конюшню. Ведь для безбожников безразлично какой религиозной конфессии храм осквернять.

Нельзя забывать и о том, что армия Наполеона включала контингенты других стран Европы. В том числе и тех, которые ненавидели Россию не по религиозным мотивам, а по политическим. Прежде всего это касалось Польши. Казалось бы странным такое отношение, тем более что поляки тоже славяне, но они не могут простить России то, что она участвовала в разделе Польского королевства в XVIII веке. Польская шляхта надеялась, что Наполеон восстановит польское государство. Поэтому они так активно помогали Наполеону даже в борьбе с теми народами, которые сражались за свою независимость. Достаточно вспомнить об участии польских частей в борьбе с испанским народом. Так что и разграбление, и всякое иное осквернение святынь Русской православной церкви не было свидетельством непримиримости межрелигиозных отношений (поляки были католиками), а прежде всего разжигаемой определенными антироссийскими силами политической и международной ненависти.

Второй вопрос, возникающий при рассмотрении картины — почему «церкви были отданы под кавалерию»? Часть ответа содержится в словах участников похода в Россию — церкви менее пострадали

от пожаров по сравнению с другими зданиями, ибо они были каменно-кирпичными. Но почему их отдавали именно под конюшни? Подумайте — чем была лошадь в начале XIX века? Тем же чем сегодня является автомобиль. Но если автомобиль как неживой предмет можно хранить под открытым небом, то лошадь — живое существо и надо заботиться о ее здоровье, чтобы она исправно работала. Конечно, она может оставаться под открытым небом какое-то время летом, но зимой и осенью это опасно. А без лошади нет кавалерии, артиллерии, снабжения, медицины, не говоря уже о гражданских службах, земледелии и скотоводстве.

И еще одно небольшое замечание. Оккупационные власти не запрещали богослужения. Но как можно было его осуществлять, если с оккупированной территории почти все священными бежали вместе с администрацией, или подвергались избиению и пыткам оккупантов, от которых зачастую умирали, т.к. прятали церковные ценности и старались сохранить в тайне места их захоронения. Даже в тех редких местах, где священники пытались организовывать службу, вражеские солдаты и офицеры входили в храм, не снимая головных уборов, и с оружием, громко делились впечатлениями, садились на непредназначенные для этого предметы, курили. А молящиеся, боясь избиений, не решались сделать им замечаний.

Все перечисленные безобразия, которые оккупанты не могли не осознавать, естественно вызвали большую тревогу у французских солдат и жителей, когда российские войска вошли на территорию Франции и подошли к Парижу. Они боялись, что российские солдаты поступят с ними и их жилищами, как и солдаты Наполеона в России и в Москве. К счастью для французов, этого не случилось, т.к. русское командование и военное духовенство приняли необходимые меры, чтобы не допустить мародерства и кощунства.

Однако со временем это российское благодеяние было забыто.

Но вернемся к журнальной статье.

Нарочито однобокое освещение Инзовым событий заставило меня заглянуть в те печатные издания, на которые ссылается Инзов. Наиболее информативна оказалась статья В.П. Алексеева «Народная война» из сборника статей «Отечественная война и русское общество». Но ведь Алексеев многократно подчеркивает, что ожесточение крестьян было вызвано «зверствами, злодействами и насилиями»

самих завоевателей, что именно необходимость «самосохранения заставила крестьян взяться за оружие», ибо отступая, враги стремились оставить позади себя голую пустыню, уничтожая все строения, сжигая избы, разоряя церкви, сражаясь с ожесточенными отрядами самообороны. Каждая из сторон сражалась за выживание.

Создавалось впечатление, что Инзов умышленно настраивал читателя на возмущение жестокостями, проявленными крестьянами на временно оккупированных врагом территориях. Но ведь это были наши предки, которые мужественно встали на защиту жизни своих детей и родителей, своей жизни, а значит и жизни своих потомков. Ведь их никто не снабжал, и для них остаться без продовольствия — это гибель, и гибель эту им несли войска Наполеона. Так что нельзя рассматривать поведение крестьян вне зависимости от действий врагов и от условий, в которых оказались сами крестьяне.

Православный крестьянин хорошо знал шестую заповедь закона Божия, запрещающую убийство ближнего. Но «не является незаконным убийством: когда убивают неприятеля на войне за Отечество»¹². Будем и мы жить по заповедям закона Божия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Русская история». № 10. 2020. М. С. 24.

² Попов А.И. Война необыкновенная. М., 2013. С. 92–93.

³ «Русская история». С. 24.

⁴ Там же.

⁵ Верещагин В.В. 1812. Наполеон в России. М., 2012. С. 255.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 257.

⁸ Там же. С. 258.

⁹ Там же. С. 259.

¹⁰ Французы в России. Ч. II. М., 1912. С. 12.

¹¹ Бургонь Ф. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 47.

¹² Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2018. С. 145–146.